

Слепцов Василий Алексеевич

Письма из Осташково

УДК 82-3
ББК 84
С47

С47 **Слепцов Василий Алексеевич**
Письма из Осташково / Слепцов Василий Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2013. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-3288-9

ISBN 978-5-4241-3288-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Образец городского устройства в России

Письмо в редакцию "Современника"

Ни об одном из уездных великорусских городов не было писано в последнее время столько, как об Осташкове. Всякий, кому случалось бывать в этом городе, считал непременною обязанностью печатно или изустно довести до всеобщего сведения о тех диковинах, которые ему пришлось в нем увидеть: о пожарной команде, библиотеке, театре и проч., то есть о таких предметах роскоши, о которых другие уездные города пока еще не смеют и подумать. Всякий, посетивший это русское Эльдorado¹, по мере сил и крайнего разумения отдавал должную справедливость заботливости городских властей и хвалил жителей за примерное благонравие. затем благородный посетитель не упускал случая поставить Осташковскую мостовую и пожарную команду в пику всем прочим уездным городам русского царства и намекнуть в конце, в виде нравоучения, что почему бы, дескать, и другим городам не взять примера с Осташкова и не завести у себя и то, и другое, и пятое, и десятое; желательно было бы ее и проч., как это обыкновенно говорится в подобных случаях. Такого рода похвалы и советы, без всякого сомнения, делали честь благородному посетителю, обличая в нем желание наставлять нерадивые города на путь истины, но вместе с тем они отчасти и повредили Осташкову во мнении прочих городов. Благородный посетитель как будто нарочно всегда старался изобразить Осташков каким-то благонравным мальчиком, у которого и волосики гладко причесаны, и курточка не изорвана, и тетрадошки не закапаны салом, за что начальники его всегда хвалят и ставят в пример другим, нерадивым мальчикам, и за что товарищи его терпеть не могут. Но если бы благородный посетитель потрудился дать себе отчет в том, что он видел, и пожелал бы узнать причины - почему, например, один город сидит себе по уши в грязи, и грамоте даже учиться не хочет (как Камышин), а другой - без театра и библиотеки немислим? Почему осташковская мещанка, кончив дневную работу (большею частью тачание сапог), надевает кринолин² и идет к своей соседке, такой же сапожнице, и там ангажируется каким-нибудь галантным кузнецом на тур вальса, или идет в публичный сад слушать музыку; а какая-нибудь ржевская или бежецкая мещанка, выпавшись вплотную на своей полосатой перине и выпив три ковша квасу, идет за ворота грызть орехи и ругаться с соседками? Почему вышневолоцкий сапожник сошьет сапоги из гнилого товара и еще на чаек за это попросит; а осташковский сошьет хорошие сапоги и вместо чайку попросит почитать книжечку? Почему осташ называет себя гражданином, а не митькой, прошкой и т. д.?

Если бы благородный посетитель задавал себе такие вопросы и добился бы на них положительных ответов, то, во-первых, он перестал бы хвалить осташей за благонравие и, во-вторых, не стал бы укорять других за нерадение; потому что уже самое желание решить эти вопросы избавило бы осташей от похвал, от которых им ни тепло, ни холодно, а жителей нерадивых городов - от нареканий, которые им кажутся крайне оскорбительными и пользы, видимо, никому не приносят.

Осташков действительно один из замечательнейших русских городов, даже единственный в своем роде; но замечателен он во все не тем, на что обыкновенно туристы и хроникеры стараются обратить внимание публики. Осташков вы-

ходит из ряда обыкновенных уездных городов; но не тем, что в нем есть театр, мостовая и доморощенные музыканты-кузнецы, чем любит похвастаться Осташковский житель; не тем, потому что все это крайне плохо и не могло бы удовлетворить действительным потребностям города, - если бы таковые существовали и если бы все эти учреждения были вызваны именно потребностями развитого общества. Благосостояние Осташкова представляет чрезвычайно любопытное и поучительное явление в русской городской жизни. Осташков, с его загородными гуляньями, танцами и беседками, можно рассматривать, как одну из тех драгоценных картин-игрушек, на которую потрачено много труда и денег и на которой удивительно искусно изображены: рыбак с удочкой, крепость, мальчики, идущие в школу, и барышня в беседке, с цветком в руке. Все это чрезвычайно мило, и если завести ключом скрытый позади картины механизм, то рыбак начнет ловить рыбку, мальчики пойдут в школу, а барышня и крепость останутся на месте, и при этом можно будет слышать марш. Но как бы это ни было мило, тем не менее, картина все-таки останется игрушкой и будет только делать честь и - главное - удовольствие ее изобретателю; что же касается людей, изображенных на картине, то им, надо полагать, ничего больше и не остается делать, как ловить рыбу, ходить в школу и сидеть в беседке. И если бы вдруг рыбаку вздумалось посидеть в беседке, а мальчики сочли бы за лучшее заняться рыбной ловлей, то, вероятно, встретили бы непреодолимые препятствия, потому что такая перемена ролей не входила в план изобретателя, и самовольная отлучка с указанного места послужила бы признаком неисправности механизма.

Но с другой стороны, почему не предположить, что найдется еще искусник - и перехитрит первого, и сделает такую картину, на которой вместо рыбака будет сделан турок, курящий трубку идвигающий глазами, барышня же, хотя и будет, но не станет сидеть в беседке, а поедет на осле и за ней побежит собачка, мальчики же вместо того чтобы идти в школу, будут плясать. В этом случае все, как видно, зависит от искусства и фантазии изобретателя, и если перевернуть надлежащим образом известное изречение Пинести³, то можно будет довольно удачно выразиться о таких картинах или о таком городе, говоря следующим образом: здесь нет жизни; здесь только механизм, пружинка и колесики. Доказательства тому читатель найдет в письмах, которые за этим следуют.

Взгляд на Осташков, метафорически высказанный выше, сложился не вдруг, а выработался медленно, после многих и самых курьезных заблуждений, хотя у автора этих писем было в руках много средств доискаться истины и разрушать разного рода мистификации. Но все-таки хлопот и недоразумений было много, потому что механики не любят открывать секретов, доставивших им известность, и принимают строжайшие меры против непрошеного любопытства; в чем читатель также будет иметь случай убедиться ниже.

Автор

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Наружность города

Третьего дня, поздно вечером, я приехал в Осташков и на другой же день пошел знакомиться с городом и его жителями. На первый раз мне хотелось сделать визиты разным должностным и другим лицам, пользующимся в городе особнным почетом; к некоторым же из них у меня были и письма. С вечера привезли меня на постоялый двор (гостиниц здесь нет), где дали мне чистую, действительно очень чистую комнату, с постелью без клопов и с отлично вымытым полом. Все было пошло хорошо. Встаю на другой день, посмотрел в окно: дождь идет, грязь непроходимая на улице; спрашиваю: "Есть ли у вас извозчики?" - "Нет извозчиков". - "Что ж я буду делать? А раки есть?" - "Есть". Надо заметить, что Осташков славится раками. Я заказал себе раков к обеду, а между тем от нечего делать разговорился с коридорным, или, не знаю, как его назвать, одним словом, с хозяйским братом, который здесь в доме занимается счетной частью, чистит сапоги, ставит самовар и просит на водку. Хозяйский брат, - некто Нил Алексеевич, - с первого же знакомства поразил меня изумительной юркостию движений и необыкновенным сходством с бессрочноотпускным солдатом, хотя он просто-напросто здешний мещанин и даже в ратниках не бывал. Впоследствии, впрочем, сколько я ни замечал, осташковские мещане, или граждане, как они себя называют, все отчасти смахивают на отставных солдат: бороду бреют, носят усы, осанку имеют воинственную и, когда говорят, отвечают - точно рапортуют начальнику. Вообще дисциплина в нравах. Так вот, Нил Алексеевич, к крайнему сожалению моему, сообщил мне, что Федор Кондратьевич⁴, уехав-и в Петербург и неизвестно когда вернутся, но что лучше всего понаведаться к ихнему братцу и от него узнать о возвращении Федора Кондратьевича. Все же прочие, кого мне нужно было видеть, были в городе. Погода между тем начала поправляться, но все-таки на улицах было грязно, хотя я и жил на главной, так называемой каменной улице. Сидя в грустном уединении у окна и глядя на камни, потонувшие в грязи, я имел возможность самым очевидным образом убедиться в справедливости пословицы: Славны бубны за горами, - до такой степени эти камни, обязанные изображать собой мостовую, дурно исполняли свою обязанность. После обеда, однако, небо совсем прояснилось, и я, несмотря на грязь, пошел бродить по городу. Осташков, как вам известно, стоит на берегу озера Селигера, или, лучше сказать, Осташков стоит на полуострове и с трех сторон окружен озером, а так как город выстроен совершенно правильно и разделен на кварталы прямолинейными улицами, то вода видна почти отовсюду, и притом озеро кажется как будто выше города, чему причиной служит низменность почвы. Город весь в воде, и даже с четвертой стороны у него огромное болото. Над озером стоит туман, и дальние берега чуть-чуть мелькают: с одной стороны виднеются какие-то деревни да несколько оципанных кустов; в другую сторону, к югу, лежат острова: Кличин, еще какой-то с обвалившейся красильней; житный монастырь тоже на острове. За этими островами темной полосой синет опять остров - Городомля с сосновым лесом, а за этим лесом уже не видно Ниловой пустыни. Население расположилось в разных частях города по промыс-

лам и ремеслам; так что весь город можно разделить на три части. Если смотреть на Осташков с севера, то есть с материка, так, как он является каждому, въезжающему в город, то увидим, что правую и левую сторону его берегов заняли рыбаки; южная оконечность полуострова, вдавшаяся в озеро, застроена кожевенными заводами; в центре находится торговая площадь, присутственные места и кузницы; сапожники же разбросаны по всем остальным улицам и переулкам, идущим во все направления. Такая сортировка по занятиям вполне соответствует и потребностям каждого ремесла или промысла, взятого отдельно. Так, например, рыболовный промысел, по существу своему естественно связанный с озером и требующий простора, занял две трети всех берегов, но так как и этого оказалось недостаточно, то невода и сети повисли над водой, потому что дома их вешать негде. Кожевенники же удовольствовались одной третью берега, доставшейся им от дележа с рыбаками, которые составляли первоначальное население города, - и так как воды им нужно гораздо меньше, только бы она была под руками, то они и настроили себе разных амбарчиков и клееварен на самой воде, на сваях, и мочат кожи, почти не выходя из дому, только отворят двери и прямо в озеро. Для кузнецов отведено открытое место внутри города, что, впрочем, несколько не мешает им замазывать сажей и углем соседние улицы, отчего самая грязь на этих улицах имеет свойство чернить сапоги даже без помощи ваксы. Близость кожевенных заводов тоже легко узнается, во-первых, по кислому запаху и, во-вторых, по кучам старого и уже не годного корья, разбросанного по этим улицам. (По поводу корья я буду иметь случай рассказать впоследствии один очень любопытный анекдот об осташковском либерализме хотя, по-видимому, между корьем и либерализмом не может быть ничего общего.) Что же касается сапожников, то, я полагаю, всем известна невзыскательность ремесленников, промышленяющих сапожным изделием; это особенно заметно в Осташкове, где сапожничеством занимаются почти в каждом доме, в особенности женщины, и где это ремесло дает только что насущный хлеб, следовательно об удобствах тут и разговора быть не может. Если есть 1- 2 аршина места для скамейки, так будут и сапоги, или осташи, как их называют.

Из первого поверхностного обзора города в этот день я извлек очень немного. Когда я вышел на торговую площадь, то прежде всего мне бросилось в глаза новенькое деревянное строение, выкрашенное желтой масляной краской: обжорный ряд. Подходя к нему, я слышал еще издали крик, и из любопытства заглянул туда. В проходе между лавками с разным съестным товаром торговки обступили двух проголодавшихся деревенских мужиков, в холстинных кафтанчиках и в низеньких пастушьих шляпках, которых я никогда прежде не видывал, и друг перед другом старались насовать им в руки пирогов с рыбою, кренделей и еще каких-то драчен⁵; мужики, оглушенные и заваленные пирогами и драченами, долго жмурились, отмахивались от торговки и старались отделаться; но торговки не давали им выговорить слова и пирогов назад брать не хотели; тогда мужики, потеряв терпение, плюнули, бросили пироги и ушли, а торговки стали браниться. Из опасения, чтобы и меня не постигла та же участь, я поспешил скорее уйти и прямо из обжорного ряда попал на бульвар. Но об этом предмете мне хочется рассказать подробнее. Бульвар устроен действительно очень мило (он тянется от торговой площади по направлению дома городского головы - Савина) и содержится в большом порядке: березки все подстрижены и с подпорками, дорожки

усыпаны песком; даже сбоку приделан небольшой пруд с крошечным островочком, и на островочке березка. На самой середине бульвара по одну и по другую сторону стоят по два столбика, выкрашенные белой краской; на столбиках очень искусно сделаны ершиб, по три ерша на каждом, всего: трижды четыре - две - научать ершей на бульваре; на самой же верхушке каждого столбика сделана деревянная же урна с красным пламенем, очень натурально. Резчики в Осташкове свои, так оно и неудивительно. Одно только меня несколько затруднило: при входе на бульвар в маленьких воротцах устроено что-то вроде капкана или лабиринта, таким образом, что прежде нежели попасть на бульвар, необходимо пройти между барьером направо, потом налево, потом назад, а потом уж можно выбраться и на бульвар; так что если человек с нетерпеливым характером случайно встретится в этих Фермопилах⁷ с другим нетерпеливым человеком и ни один не захочет уступить другому, то, по всей вероятности, должен произойти скандал; но бульварных капканов в Осташкове никто еще не ломал, и о таких случаях здесь не слышно, из чего прямо можно заключить, что нетерпеливых людей в городе нет, а если и есть, то они на бульвар не ходят, так же как и осташковские коровы, для которых, собственно, и назначены эти лабиринты.

Впрочем, занявшись бульваром, я забываю о других осташковских редкостях, а они здесь на каждом шагу. С бульвара или, лучше сказать, с площади, - потому что бульвар на площади, - по прямому направлению идет улица на строящуюся пристань; тут же в базарные дни производится торговля на лодках деревянной посудой, корзинами и овощами, привозимыми крестьянами прибрежных деревень. Пристань с маленьким молот строится из булыжника и известняка, которым изобилует осташковский уезд, но строится, как видно, очень медленно по недостатку средств или не знаю почему. Кроме этой пристани, в городе есть еще несколько малых пристаней с деревянными плотами для причала. Так как погода поправилась, то на озере и у берегов показались лодки, в которых большую частью женщины исполняли должность гребцов. Недалеко от главной площади, на берегу, видел я театр - большое, но неуклюжее здание, переделанное из кожевенного завода. А там, по южному берегу, пошли уже вплоть все заводы, совсем вылезшие в озеро. В одном месте даже капуста посажена на плавучем огороде. Сюда, ближе к центру, показался собор с безобразнейшей колокольней в виде столба; рядом с собором - так называемый "публичный сад". Я было сунулся ко входу, - опять капкан! И опять ерши! В саду оказалось деревьев больше, нежели на бульваре, есть и скамейки, павильон, в котором играет иногда доморощенная музыка, и еще какие-то особенного устройства длинные скамейки для простого народа, на которых можно очень весело проводить время, покачиваясь, как на рессорах. Тут же, в саду, я встретил одиноко гуляющую козу, которая, вероятно, не затруднилась входом и просто-напросто перескочила через перегородку, из чего я вывел уже положительное заключение, что козы не входили в расчет при устройстве лабиринтов, которые исключительно предназначены для коров. Выбравшись без особенных приключений из публичного сада, я пошел по главной улице, в этом месте почему-то высыпанной песком, и вдруг завидел большое каменное здание, красного цвета, с палисадником; на главном фасаде две вывески: на одной, побольше и повыше, написано золотыми буквами: Дом благотворительных заведений общественного банка Савина, а на другой, поменьше и пониже: Училище для девиц (Основанное Ворониным, - как я узнал впослед-

ствии). Я обошел здание с двух сторон и заглянул на двор: и там все очень удобно устроено, чистота изумительная, двор вымощен; для дров даже сделано особое помещение. У самых ворот стоит ящик вроде бюро; я любопытствовал взглянуть внутрь его и нашел там солому. Какая-то девочка, выходящая в это время из дома благотворительных заведений, объяснила мне, что ящик этот выставляется на ночь за ворота для подкидышей, для этой же цели и колокольчик проведен от ворот в странноприимное отделение.

- Ребеночка в ящик положить и дернут за колокольчик; оттуда сейчас выйдут и возьмут ребеночка, - объяснила мне чрезвычайно бойко девочка, причем я мог заметить, что она в кринолине и в руках у ней книга. Девочка опрятная, с воротничком и в белом фартуке, но что-то бледна уж очень. Впрочем, сколько я ни встречал сегодня женщин, - все ужасно худы и бледны.

- Вы, душенька, из училища? - спрашивал я девочку.

- Из училища.

- Можно туда войти, посмотреть?

- Можно.

- А где найти смотрителя?

- Он теперь в классе.

- И долго там пробудет?

- Часа полтора просидит.

Я простился с девочкой и пошел дальше, предполагая зайти в училище часа через полтора. Мне хотелось воспользоваться хорошей погодой и обойти по крайней мере правую сторону полуострова. Но какое же здесь множество часовен! Считал, считал и счет потерял. Иду к оконечности города, вдавшейся в озеро, и бессознательно читаю билеты на воротах: Савина, и по другую сторону Савина, опять Савина и еще Савина, и таким образом вплоть до самой дамбы, ведущей из города на Житный остров. Подхожу к воротам, - опять капкан! Что ж это значит? Неужели же и в монастырь коров не пускают? Повертелся, повертелся я тут у входа, однако прошел и очутился опять на бульваре, а бульвар этот в сущности дамба-то и есть; отличная насыпь, укрепленная с обеих сторон сваями и диким камнем; на половине насыпи сделан пролив, через который ведет красивый деревянный мост. Возшел я на мост - опять ерши на столбах! А какой вид с моста на город, особенно теперь, когда солнце ударяет прямо в эти заливчики, застроенные разным заводским строением и наполненные лодками. Рыбак, стоя в лодке, развешивает на кольях сети; прибрежные крестьяне разъезжаются с базара; две бабы везут мужика и работают веслами совсем не по-бабы: видно, что они выросли на воде; но зато мужик, возвращающийся с базара под хмельком, знать ничего не хочет; лег себе на какие-то мешки, которыми нагружена лодка, - и ругается на чем свет стоит. Однако бабы в обиду не даются и очень ловко плещут на него веслом и всего обдают водою, отчего мужик начинает еще хуже ругаться, а бабы хохочут. На берегу между тем кто-то вышел из двери, ведущей с завода прямо в озеро, опустил в воду крюк и вытащил оттуда мочившуюся шкуру. Левее виден гористый и пустынный Кличин, недалеко от него торчит из воды огромный камень, похожий на лодку; за камнем мелькает парус, чайки вьются над озером. Однако нужно еще поспеть в монастырь. Подхожу к Житному острову, - при входе опять ерши! Да когда же это кончится? Впрочем, на столбах, кроме ершей, надписи. На правом написано:

"Покорнейше просят цветов и деревьев не ломать и собак не водить".

"Кто нарушает правила, установленные для общего блага, тот есть общий враг всех".

А на левой стороне:

"Кто умеет уважать себя, тот умеет дорожить благоустройством общественным".

Часть острова, ближайшую к городу, занимает монастырь с огородом и памятником потомственного почетного гражданина и коммерции советника Кондратия Алексеевича Савина, отца нынешнего градского главы. В монастыре только и есть замечательного, что этот памятник, устроенный в виде часовни; перед иконой, как видно, прежде горел газ, проведенный с фабрики братьев Савиных; но газовый рожок в настоящее время, кажется, испорчен. Другую половину острова занимает сад, разбитый необыкновенно затейливо, с павильонами и мостиками в виде колеса, до такой степени красивыми и крутыми, что по ним даже и ходить нельзя, с прудами величиною с порядочную лоханку, башенками и проч. Есть даже домик для пустытника, оклеенный берестой, в котором живет сторож, или даже, кажется, никто не живет, хотя домик и заперт на замок. Я зашел в одну беседку, стоящую на самом мысу, а из нее по лесенке взобрался в павильон, - и опять вид на город и окрестные острова, и еще лучше, нежели с моста. Белые стены павильона все исписаны разными стихотворениями и акростихами⁸, в которых туземное остроумие, сколько я мог заметить, все больше проходится насчет одного известного лица. Монастырская братия, заботясь, как видно, о чистоте нравов и павильона, изглаживала по мере сил и возможности хулы и предерзостные писания; но чья-то неукротимая рука и тут-таки не унялась и начертала перочинным ножом неизгладимые сквернословия.

- Кто так искусно устроил все это? - спросил я гулявшего по саду монаха.

- Это все Федор Кондратьевич занимаются, дай бог им здоровья, - отвечал монах. - Здесь у нас прежде рошица была, самая жалкая рошица; признаться, не так чтобы горазно было. По праздникам чернеть⁹ гулять к нам ходила, да больше всё пьяные, - безобразно. Ну, а Федор Кондратьич нам садик развели, будочек понастроили, деревца насадили, кусточки: ишь ты как горазже пригляднее стало, как можно. Гулять теперь к нам все больше господа ходят, особливо летом.

- А могу я у вас попросить карандаш или перо и кусочек бумаги?

Монах заметался и похлопал себя по карману.

- Как быть? Перушка-то у нас и не сыщешь, и чернилицы тоже нету. Ах, головушка горькая! Нету! Нету! Вот у просвирника должна быть чернилица-то, за здравие пишет, да не, должно в церкви она у него заперши. Пообождите малость, вот я схожу спрошаю. А вам это на что? Письмо, что ли, писать?

- Нет, мне бы вот хотелось эти надписи, что на столбах-то у вас, списать.

- Ну так, так. Вот я схожу, может и сыщу.

Пока монах ходил за чернилицей, я опять загляделся на озеро и заслушался шума набегающих волн. Монастырский сад лучшее место в Осташкове, да и не в одном Осташкове: не хочется уйти. Наконец несет монах чернилицу с объедком пера.

- В силу отыскал, - говорил он, подавая мне ее. - Один у нас есть такой, тоже этим делом занимается, у него выпросил. Не хотел было давать: зачем, говорит, тебе? Прольешь. Пишите, пишите, - это хорошо тут написано.

- А кто это написал? Ваш настоятель?
- Нет! Это все Федор Кондратьич. Вы, должно, нездешние?
- Я из Москвы.
- Из Москве: так, так.
- Прощайте. Извините, что беспокоил.
- Ничего! Час добрый.

На возвратном пути в город встретил я на дамбе гражданина и офицера. Гражданин, почтенной наружности, чисто выбритый, сейчас же обратил внимание на приезжего человека, оглядел меня с головы до ног и с достоинством поклонился; офицер же запел что-то и, легкомысленно помахивая тросточкой, пошел далее. А в училище так и не удалось побывать мне в этот день.

На первый раз я ограничился прогулкой по городу; да и хорошо так устроилось, что я ни у кого не был сегодня, по крайней мере внимание не разбрасывалось; впечатление, произведенное на меня внешней стороной города, свежо, ясно и не развлекалось сближением с людьми. В сумерки я прошелся по восточному берегу, потом обогнул город с северной стороны вплоть до самого кладбища, следовательно, я видел почти весь город; не осмотренной осталась одна только Америка (северо-западная часть полуострова), которая, по свидетельству Нила Алексеевича, только тем и замечательна, что там окружной живет.

Попробую я теперь дать себе отчет в том, что я видел сегодня. А знаете, что меня всего более поразило в наружности города? Как вы думаете? - бедность. Но вы не знаете, какая это бедность. Это во все не та грязная, нищенская, свинская бедность, которой большею частью отличаются наши уездные города, - бедность, наводящая на вас тоску и уныние и отзывающаяся черным хлебом и тараканами; эта бедность какая-то особенная, подрумяненная бедность, похожая на нищего в новом жилете и напоминающая вам отлично вычищенный сапог с дырой. На первый взгляд вас приятно поразит и мостовая, и бульвар, и эти громкие вывески: общественный банк, общественная библиотека, публичные сады, благотворительные заведения и т. д.; даже и на этих ершей, на это обилие ершей, на все эти декорации вы смотрите снисходительно, добродушно улыбаясь, потому что все это пахнет чем-то таким новым, свежим, благоустроенным. Стриженные березки, капканы, решетки, просьбы цветов не рвать, собак не водить, - все это вам давно знакомо; вам даже почему-то приятно встретить в захолустье, в Осташкове, этих старых чудачков, как иногда приятно бывает встретить какую-нибудь глупую няньку, которая вас бивала в детстве. Но все эти приятные ощущения быстро сменяются тяжелым раздумьем, как только вы свернете в одну из второстепенных улиц. Вы вдруг замечаете ужасно резкий переход, как будто вам подавали все трюфели¹⁰ да фазанов, а тут вдруг хрен!.. У вас и глаза было разлакомились, вам уж начало было казаться, что и дальше все то же будет, а тут и пошли, и пошли: и хижины бедные, богом хранимые, и больные ребятишки, и окна, заклеенные бумагой, и бледные, изнуренные лица с неизлечимой анемией¹¹, - одним словом, все это горе-злосчастье, с холодом, да с голодом, да с лихими напастями, от которых вы было вообразили так дешево отделаться. "Что же это значит?" - тоскливо думается вам.

Город расположен чрезвычайно искусно, и надо быть очень непроницательным, чтобы не обратить на это внимания. Если вы захотите всмотреться пристальнее, то вы непременно заметите, что тут прошлась чья-то искусная рука,

что кто-то так ловко скомпоновал все эти objects d'art¹², что они неминуемо вам должны броситься в глаза. Вы непременно заметите, что для каждой вещи выбрано именно такое место, на котором она больше выигрывает и привлекает на себя ваше внимание. А что делается в отдаленных улицах, того вы не увидите, потому что туда вам и идти незачем, да и мостовых там нет, там болото. И если вы можете понять и достойно оценить все это, то вы отдадите должную справедливость художнику, потратившему много труда и соображения на то, чтобы произвести на вас самое отрадное впечатление во время вашего кратковременного пребывания в Осташкове. Но я предполагаю, что вы приехали в город безо всякой особенной цели и не имеете ни малейшего желания видеть сквозь видимый смех невидимые миру слезы¹³, - вы приехали так себе, ни за чем, либо угоднику поклониться. Само собой разумеется, что вы едете на постоянный двор или остановитесь у кого-нибудь из ваших благородных знакомых, живущих непременно в центре города; следовательно, вы неминуемо должны ехать по главной улице. Уже при самом въезде в город вас приятно поражает на правой стороне какое-то высокое, красивое здание, вовсе не похожее на острог, который в свою очередь видится вам в приятном отдалении.

- Что это за дом? - спрашиваете вы у ямщика.

- А это казармы.

- Как казармы? Так, стало быть, казенный дом? - пристааете вы к ямщику.

- Никак нет, - отвечает он вам.

- Так чей же это дом? - продолжаете вы допрашивать.

- Общественный! как, значит, прежде солдаты очень уж одолевали, так Федор Кондратьич¹⁴, их и вывели за город, да казармы им и выстроили, чтобы уж они свое место знали.

"Вот как! Это хорошо! - думаете вы и едете дальше, а тут уже между тем началась мостовая. хотя вам и сильно поколачивает бока, но так как, во всяком случае, как бы то ни было, ведь это все же таки мостовая, а не киселевидная грязь, которую вы проклинали во всю дорогу от самого Волочка, то уже один вид мостовой должен произвести на вас отрадное впечатление; и действительно производит, и вы говорите, одобрительно улыбаясь: "Ого! Посмотрим, что дальше будет". Вы едете дальше и, поравнявшись с переулком, случайно бросаете взгляд направо и не без сердечного удовольствия примечаете, что и в соседней улице тоже мостовая: вы смотрите налево и видите, что налево травка; но вы уже так довольны, найдя в Осташкове две вымощенные улицы, что великодушно прощаете этой травке и думаете: "Ну бог с ней! Пусть ее растет; невозможно же вымостить целый город. Ведь на это сколько денег нужно? Страсть". А между тем вы не оставили без внимания и постройку. Дома, мимо которых вы едете, все такие крепкие, хорошие дома, в нижнем этаже лавочки; на воротах пожарные значки: ведро, крюк, лестница, даже лошадка в одном месте нарисована. Лошадка очень недурно сделана, точно картинка.

- Как славно, однако, здесь рисуют пожарные значки! - замечаете вы про себя. А тут постоянные дворы.

- К кому въезжать на двор? К Коновалову, что ли?

Но так как у вас нет в городе никакого спешного дела, а в комнате одному сидеть скучно, к тому же все виденное вами так успело уже расположить вас в пользу Осташкова, то вам вдруг приходит в голову фантазия сейчас же, не откла-

дывая, проехать по городу и проглотить его разом.

- Нет, брат, ты вот что: ты проезжай-ка лучше так по городу, знаешь? Я тебе дам на чай. А потом уж и на постоялый двор.

- Куда же ехать-то? - спрашивает вас ямщик, не понимая, чего вы хотите, и предполагая, что вас укачало дорогой, а потому и нашла на вас блажь.

- Да вы здешний, что ли?

- Здешний.

- Ну так проезжай немного по городу: мне хочется посмотреть улицы.

- Да, да, да. Так бы вы и говорили. То есть вам это, собственно, как вы приезжий, - значит, вам очень лестно посмотреть.

- Ну да, ну да!

- Это что ж? Это ничего.

И, обрадованный возможностью похвастаться родным городом, ямщик вывозит вас на площадь.

- Вон оно, озеро-то! - говорит он, самодовольно указывая кнутом на озеро, показавшееся вправо.

Площадь, впрочем, на первый взгляд ничем особенно вас не поражает, но, оглядывая ее пристальнее вы вдруг замечаете бульвар, прудок с островком, гуляющих дам в модных костюмах, красивый обжорный ряд, лавки. Вы видите, что в лавке сидит женщина и вяжет что-то.

"Ого-го!" - думаете вы. Ямщик между тем берет влево и везет вас вокруг всей площади.

- Что это за сарай с колокольчиком?

- Это пожарная команда.

Да! Это та самая знаменитая пожарная команда, о которой я так много читал в "Московских ведомостях"15, - думаете вы и в то же время с удивлением и не без удовольствия читаете вывеску: Осташковская общественная библиотека основана 1832 года.

- Каково? - говорите вы уже вслух, - тридцать второго года и притом общественная!.. А в других-то городах!.. - но тут вы вдруг начинаете столбенеть.

- Что это? Телеграф? - вскрикиваете вы. - Ямщик! глаза мои меня не обманывают? Это точно телеграф?

- Верно, - успокаивает вас ямщик, совершенно довольный вашим восторгом.

- Кто же его устроил?

- Федор Кондратьевич.

- А куда проведен этот телеграф?

- Из Думы к Федору Кондратьевичу. Ну, куда же теперь ехать?

- Вези, куда знаешь, - говорите вы растроганным голосом.

Объехав всю площадь и выказав вам один за другим все красивые каменные домики, которыми обстроена площадь, ямщик везет вас в прежнем направлении, то есть по главной же улице, пересекающей площадь. Но уезжая с площади, он указывает опять-таки кнутом на озеро и обращает ваше и без того напряженное внимание на строящуюся пристань. Вы высунулись из экипажа и видите движение, народ: возят песок, сваливают камень, в пристани стоят две огромные лодки, похожие на суда, развеваются паруса, вы слышите где-то свист парохода; озеро, синее и блестящее, точно взморье, так и манит вас к себе, а на том берегу виднеются деревни, лес синеет вдаль.